

Ева Иллуз

ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ РАНИТ?

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Ева Иллуз

**Почему любовь ранит?
Социологическое объяснение**

«Директ-Медиа»

2012

УДК 316.613.4:177.61
ББК 60.561.5+88.576.6

Иллуз Е.

Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Е. Иллуз —
«Директ-Медиа», 2012

ISBN 978-5-4499-0435-5

Ничто не обладает более разрушительной или более созидательной силой, чем любовь. Откуда эта сила в любви? И как она трансформируется в различных социальных условиях? Как меняется любовь в условиях эпохи Интернета? Книга известного социолога и психолога Евы Иллуз получила оглушительный международный успех, потому что дает ключ к пониманию тех изменений, которые произошли в отношениях между мужчиной и женщиной в современности. Причины силы любовных травм следует искать зачастую не в глубине психологических переживаний, а в специфике социальных правил, в которые загоняется современный индивидуум. Изменения в способах самовосприятия, построения собственной карьеры, формирования брачных рынков, женской эмансипации – все это автор тщательно анализирует, искусно обращаясь к литературной классике и новейшим социологическим трендам. Книга предназначена для социологов и психологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся психологией отношений между мужчиной и женщиной.

УДК 316.613.4:177.61
ББК 60.561.5+88.576.6

ISBN 978-5-4499-0435-5

© Иллуз Е., 2012

© Директ-Медиа, 2012

Содержание

Слова благодарности	7
Глава 1	9
Муки любви	9
Что такое модернизм?	15
Любовь в эпоху модернизма, современный характер любви	18
Почему социология является и остается необходимой	21
Социология и психические страдания	23
Глава 2	25
Характер и нравственная экология романтического выбора	29
Любовь персонажей, характер любви	30
Ухаживание и сватовство как социальная сеть	34
Общепризнанные и негласные правила	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ева Иллуз
Почему любовь ранит?
Социологическое объяснение

Впервые работа опубликована в 2012 году издательством Polity Press

Polity Press

65 Bridge Street

Cambridge CB2 1UR, UK

Polity Press

350 Main Street

Malden, MA 02148, USA

Перевод с нем. С. В. Сидоровой

© Suhrkamp, текст, 2012

© Сидорова С. В., перевод с нем., 2019

© Издательство «Директмедиа Пабблишинг», оформление, 2020

Слова благодарности

*Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец, раньше не знавший любви.
Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелой,
Пусть узнает в стихах собственной страсти черты
И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться, —
воскликнет, — этот искусник поэт —
и рассказать обо мне?»*

Овидий «Любовные элегии» (Amores)

Пер. с лат. С. В. Шервинского

Много лет назад, будучи подростком, я не раз принималась за создание этой книги, прокручивая в голове разные варианты ее написания. Она стала результатом сотен, возможно, даже тысяч, разговоров с близкими друзьями и малознакомыми людьми, которые озадачили меня и привели в замешательство хаосом, пронизывающим современные романтические и сексуальные отношения. Почему, несмотря на присущую им силу и независимость, женщины четырех стран (Франции, США, Израиля и Германии), в которых я жила уже взрослой, сбиты с толку неопределенностью поведения мужчин? Почему мужчины представляются загадкой и неиссякаемым источником потрясений для женщин? Страдали ли мужчины и женщины прошлого от мучительной любви так же, как современные мужчины и женщины? Окружающая нас культура главным образом учит нас искать ответы на подобные вопросы в изъянах и пороках нашего несовершенного детства и объясняет беспорядок в нашей личной жизни несовершенствами нашей психики.

Эта книга подвергает сомнению это, по большей части неоспоримое, предположение. Она хочет объяснить, почему любовь причиняет боль, выдвигая на первый план социальную, а не психологическую подоплеку отношений между мужчиной и женщиной. Эта книга появилась благодаря многочасовым задушевым разговорам, но она в значительной степени обязана также и другим, менее интимным, но не менее важным, беседам. Прежде всего, я хочу поблагодарить *Wissenschaftskolleg zu Berlin* (институт перспективных исследований), который в течение 2007–2008 гг. предоставлял мне тишину и покой монастыря и оживленные беседы салонов XVIII в. Я благодарю Дейла Бауэра, Юта Фреверта, Свена Хиллеркампа, Аксель Хоннет, Тома Лакера, Рейнхарта Меркеля, Рейнхарта Мейер Калкуса, Сьюзен Нейман, Джона Томпсона и Эйтана Уилфа за то, что щедро поделились со мной своими мыслями, вопросами и великолепными советами. Маттан Шачак был чрезвычайно необходим в процессе написания этой книги, каждый день даря мне ощущение радости быть учителем выдающегося студента и ассистента-исследователя. Я благодарю Ори Шварц, Дана Каплана и Жужу Беренд за удивительную щедрость ума, их комментарии сыграли значительную роль в улучшении этой книги. Я благодарна Натали-Мириам Иллуз, моей сестре и великолепному психоаналитику, и Беатрис Смедли, моей подруге и соавтору, за наши нескончаемые обсуждения великолепия и мук любви. Я могу только надеяться на то, что мне удалось соответствовать утонченности их исследований.

Книга – особый товар: ее не только должны создавать профессионалы, в нее нужно верить. *Polity Press* уникально в своем стремлении содействовать глобальному распространению идей и в своей по-семейному душевной и неослабевающей заботе в процессе производства книги. Мне посчастливилось узнать, что Джон Томпсон от всего сердца одобрил эту книгу. Глубина его заботы, четкость и оперативность делают его исключительным издателем. Джастин Дайер оказался превосходным редактором, а Дженнифер Ян и Клэр Анселл – самыми

отзывчивыми и полезными в качестве помощника редактора и выпускающего редактора соответственно.

Я благодарю всех, и близких друзей, и просто знакомых, которые доверились мне и поделились своими историями, иногда в отчаянии, но часто с надеждой и верой. Я посвящаю свою книгу этим мужчинам и женщинам, которых буду хранить в своем сердце до конца дней.

Издатели хотели бы выразить признательность за разрешение на воспроизведение эпиграфов:

Из книги Филиппа Рота «Возмущение» (Indignation), Copyright (c) 2008, Philip Roth. Используется с разрешения The Wylie Agency (UK) Limited;

Крис Картер, www.catchhimandkeephim.com;

Из романа Д. М. Кутзее «Бесчестье» (Disgrace), Copyright (c) 1999, J. M. Coetzee. Используется с разрешения Viking Penguin, подразделения Penguin Group (USA) Inc. и Vintage, подразделение Random House;

Из книги Джулиан Барнс «Любовь и т. д.», Copyright (c) 2000, Julian Barnes. Используется с разрешения Alfred A. Knopf, подразделения The Random House, Inc.; опубликовано Vintage Books. Переиздание с разрешения The Random House Group Ltd.

Глава 1 Введение

Муки любви

Однако безмятежная любовь встречается довольно редко. На каждую современную счастливую любящую пару, на каждый краткосрочный любовный роман приходится десять мучительных любовных переживаний и постлюбовных «падений», длящихся гораздо дольше самого романа и часто приводящих к разрушению личности или, по крайней мере, к эмоциональному цинизму, который создает определенные трудности, а порой вообще не позволяет человеку полюбить снова.

Суламифь Файерстоун «Диалектика пола: Доводы феминистской революции»¹

«Грозовой перевал» (1847 г.) принадлежит давней литературной традиции изображать любовь как мучительно болезненное чувство². Печально известные главные герои романа Хитклиф и Кэтрин сильно любят друг друга с самого детства, однако Кэтрин решает выйти замуж за Эдгара Линтона, более подходящего ей по социальному статусу. Униженный Хитклиф, случайно услышав слова Кэтрин о том, что она опустится до него, если выйдет за него замуж, убегает. А Кэтрин, бросившись на его поиски и не найдя, серьезно заболевает и некоторое время находится между жизнью и смертью.

Созданная в более ироничном стиле «Мадам Бовари» (1856 г.) описывает несчастливый брак одной романтической особы с добросердечным, но посредственным провинциальным врачом, который не может удовлетворить ее сентиментально-романтические и социальные фантазии, почерпнутые из любовных романов. Главная героиня думает, что она обрела мужчину своей мечты в образе лихого землевладельца Родольфа Буланже. После трехлетнего романа любовники решают сбежать. Но в один роковой день Эмма получает от Родольфа письмо, в котором он отказывается от своего обещания. Здесь автор, описывая романтические чувства своей героини, обходится без свойственной ему иронии, с сочувствием рассказывая о ее страданиях:

Эмма прислонилась к стене в амбразуре мансарды и перечитала письмо с недоброй усмешкой. Но чем внимательнее она в него вчитывалась, тем больше путались ее мысли. Она снова видела Родольфа, слышала его, обнимала. И удары ее сердца подобно ударам молота становились все чаще и неравномерней. Она смотрела вокруг, и ей хотелось, чтобы земля разверзлась у нее под ногами. Почему не покончить со всем этим? Что ее удерживает? Ведь она свободна! Эмма шагнула вперед, бросив взгляд на брусчатку мостовой, и сказала себе: – Ну, давай! Давай!³.

¹ Файерстоун С. Диалектика пола: Обоснование феминистской революции. NY: Bantam, 1970. С. 129 [Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: Bantam, 1970. P. 129].

² Бронте Э. Грозовой перевал. Oxford: Oxford University Press, 2008 [1847] [Brontë E. Wuthering Heights. Oxford: Oxford University Press, 2008 [1847]].

³ Флобер Г. Мадам Бовари. NY: Courier Dover Publications, 1996 [1857]. С. 145 [Flaubert G. Madame Bovary. New York: Courier Dover Publications, 1996 [1857]. P. 145].

По современным критериям мучения Кэтрин и Эммы кажутся невыносимыми, но все еще понятными. Тем не менее, как данная книга пытается обосновать, романтические страдания, которые испытывают обе эти женщины, изменили содержание, цвет и структуру. Прежде всего, противостояние между обществом и любовью, которое каждую из них приводит к страданиям, едва ли имеет отношение к современному обществу. Действительно, мало какие экономические препятствия или нормативные запреты помешали бы Кэтрин и Эмме сделать любовь своим первым и единственным выбором. Как бы то ни было, наше современное чувство целесообразности заставило бы нас следовать указаниям нашего сердца, а не социальной среды. Во-вторых, в наше время на помощь нерешительной Кэтрин и изнывающей от бесстрастного брака Эмме уже давно прибежала бы целая толпа экспертов – психологи-консультанты, семейные психотерапевты, адвокаты по бракоразводным процессам и специалисты по медитации массово бросились бы на урегулирование частных проблем предполагаемо или реально скучающих жен. В отсутствие помощи экспертов (или совместно с ними) современные Кэтрин и Эммы поделились бы секретами своей любви и своими желаниями с другими, скорее всего, с подругами или, по крайней мере, со случайными анонимными друзьями, найденными в интернете, значительно скрашивая таким образом свое одиночество и отчаяние. На них обрушился бы бурный поток слов, состоящий из анализа собственных поступков, переживаний и дружеских или экспертных советов. Современные Кэтрин или Эмма потратили бы много времени на размышления и разговоры о терзающей их боли и, вероятно, нашли бы ее причины в собственном неблагополучном детстве (или детстве своих любовников). Они ощутили бы триумф, но не от того, что испытали горе, а именно от того, что преодолели его с помощью арсенала терапевтических техник самопомощи. Современные сердечные муки порождают почти бесконечный поток рассуждений и толкований, целью которых является как понимание, так и искоренение их причин. Смерть, самоубийство и бегство в монастырь больше не входят в наш репертуар. Но это, разумеется, не означает, что современные люди ничего не знают о муках любви. На самом деле мы знаем о них, возможно, даже больше, чем наши предшественники. Однако речь идет о том, что социальная составляющая сердечных страданий претерпела глубокие изменения. Эта книга посвящена пониманию природы произошедших изменений посредством изучения трех различных ключевых аспектов современной личности: воли (того, насколько мы чего-то хотим), признания (того, что важно для нашего чувства значимости) и желания (к чему мы стремимся и как мы жаждем это заполучить).

Откровенно говоря, мало кому из современных людей удастся избежать душевных страданий в интимных отношениях. Эти страдания могут принимать разные формы: приходится порой перецеловать слишком много лягушек на пути к Прекрасному Принцу или Принцессе; заниматься изматывающими бесплодными поисками в интернете и возвращаться в одиночестве из баров, с вечеринок или со свиданий вслепую. Когда отношения, наконец, формируются, муки не исчезают, поскольку вам может стать скучно, вы можете почувствовать тревогу или злость, погрязнуть в болезненных спорах и конфликтах или, в конечном итоге, испытать смятение, неуверенность в себе и даже впасть в депрессию от расставаний или разводов. Это малая толика того, через что может пройти человек в мучительных поисках любви, от которых избавлены лишь немногие из наших современников. Если бы социологи могли услышать голоса мужчин и женщин, ищущих любовь, на них пролился бы нескончаемый поток громких причитаний и стонов.

Несмотря на широко распространенный и почти коллективный характер таких испытаний, наша культура настаивает на том, что они являются результатом несовершенной или недостаточно зрелой психики. Бесчисленные пособия и семинары по самосовершенствованию учат нас эффективно управлять нашими чувствами, помогая нам понять, каким образом мы неосознанно моделируем наши собственные поражения. Согласно теории Фрейда сексуальное влечение лучше всего объясняется опытом прошлого и наши любовные предпочтения формируются

в детстве в отношениях между ребенком и его родителями. Для многих утверждение Фрейда о том, что именно в семье вырабатывается модель эротических привязанностей, было главным объяснением того, почему мы не можем найти или сохранить любовь. Фрейдистская культура, непоколебимая в своей непоследовательности, утверждает, что будущее наших романтических отношений является прямым отражением нашего детского опыта независимо от того, похож наш партнер на наших родителей или является их полной противоположностью. С идеей о навязчивом повторении Фрейд пошел еще дальше, утверждая, что потери, пережитые в раннем возрасте, какими бы болезненными они ни были, станут бессознательно воспроизводиться на протяжении всей взрослой жизни в качестве одного из способов их окончательно преодолеть. Эта идея оказала огромное влияние на коллективную точку зрения и на лечение любовных страданий, рассматривая их как благотворный фактор процесса взросления. Более того, фрейдистская культура предполагала, что, по большому счету, страдания от любви неизбежны.

Клиническая психология сыграла исключительно важную роль в придании научной легитимности идее о том, что любовь и связанные с ней неудачи могут быть объяснены психической историей индивидуума и, как следствие, могут им контролироваться. Хотя оригинальное фрейдовское понятие бессознательного создавалось с целью развеять традиционные представления о личной ответственности, на практике психология сыграла решающую роль в передаче сферы романтики и эротики под личную ответственность человека. Осознанно или нет психоанализ и психотерапия предоставили огромный арсенал различных техник, чтобы помочь нам разговориться, но сделали нас неизбежными носителями ответственности за наши страдания.

На протяжении всего XX в. идея о том, что люди сами создают свои любовные муки, была невероятно успешной, возможно потому, что психология одновременно давала утешительное обещание избавления от них. Мучительные любовные переживания стали мощным фактором, активизирующим массу профессионалов (психоаналитиков, психологов и терапевтов всех мастей), издательскую индустрию, телевидение и множество других средств массовой информации. Появление чрезвычайно успешной индустрии самоусовершенствования стало возможным на фоне глубоко укоренившейся веры в то, что наши страдания тесно связаны с психическим развитием нашей личности, что самопознание и способность говорить о них обладают исцеляющей силой, а выявление закономерностей и источников наших страданий поможет их преодолеть. Муки любви теперь указывают только на личность, на историю ее психического развития и на ее способность к самоформированию.

Именно потому, что мы живем в то время, когда господствует идея личной ответственности, социология остается жизненно важной сферой деятельности. Точно так же, как в конце XIX в. считалось радикальным утверждать, что бедность является результатом систематической экономической эксплуатации, а не результатом сомнительной морали или слабого характера, в настоящее время крайне необходимо заявить, что все неудачи, превратности и невзгоды нашей эмоциональной жизни скорее формируются институциональными механизмами, а не являются результатом слабой психики. Итак, цель этой книги состоит в том, чтобы значительно изменить точку зрения на то, что правильно, а что неправильно в современных отношениях. Основной проблемой является не трудное детство или недостаток самосознания, а совокупность социальных и культурных напряженностей и противоречий, которые формируют современную личностную идентичность.

По сути, подобное предложение не ново. Феминистские писатели и мыслители уже давно оспаривают и общепринятую веру в любовь как в источник абсолютного счастья, и психологическое индивидуалистическое осмысление любовных страданий. Вопреки распространенным мифам феминистки утверждают, что романтическая любовь не является источником трансцендентности, счастья и самореализации. Скорее, это одна из основных причин разногласий между мужчинами и женщинами, а также одна из традиционных культурных норм, вынуждающая женщин принимать (и «любить») свое подчинение мужчинам. Ибо, когда мужчина и

женщина любят друг друга, разногласия, характеризующие их как личность, только усиливаются. По словам Симоны де Бовуар, «даже будучи влюбленными, мужчины сохраняют свой суверенитет, в то время как женщины с самоотречением отдаются своему чувству»⁴. В своей противоречивой книге «Диалектика пола», процитированной в начале этой главы, Суламифь Файерстоун пошла еще дальше: «Источником социальной силы и энергии мужчин является любовь, которую женщины обеспечивали и продолжают им обеспечивать, и это позволяет предположить, что именно любовь является цементом, с помощью которого построено здание мужского превосходства»⁵. Романтическая любовь не только скрывает классовую и половую дискриминацию, но фактически делает ее возможной. Согласно меткой фразе Ти-Грейс Аткинсон, романтическая любовь является «основным психологическим фактором притеснения женщин»⁶. Наиболее поразительным утверждением феминисток является то, что борьба за власть лежит в самой сути любви и сексуальности, что мужчины всегда доминировали и продолжают доминировать в этой борьбе, поскольку существует сближение между экономической и сексуальной властью. Подобное сексуальное господство мужчин заключается в их способности определять объекты любви и устанавливать правила, регулирующие ухаживание и выражение романтических чувств. В конечном счете, мужская власть заключается в том, что гендерная идентификация и иерархия воплощаются и создаются с помощью выражения романтических чувств, а чувства, в свою очередь, поддерживают экономическое и политическое неравенство возможностей⁷.

Но во многом именно это предположение о превосходстве власти является недостатком того, что стало доминирующей нитью феминистской критики любви. В периоды, когда патриархат был гораздо сильнее, чем сегодня, любовь играла гораздо менее значительную роль в представлениях людей об окружающем мире. Более того, культурная значимость любви, по-видимому, связана с упадком, а не с увеличением власти мужчин в семье, а также с ростом более равноправных и симметричных гендерных отношений. К тому же большая часть феминистской теории основана на предположении, что в любовных и других социальных отношениях власть является первичным структурным элементом, игнорируя, таким образом, огромное количество эмпирических данных, свидетельствующих о том, что любовь не менее первична, чем власть, и что она также является мощным и невидимым двигателем социальных отношений. Недооценивая любовь женщин (и их желание любить) к патриархату, феминистская теория часто не понимает причин той огромной власти, какую любовь имеет над современными женщинами и мужчинами, а также не осознает эгалитарного напряжения, содержащегося в идеологии любви, и ее способности разрушать патриархат изнутри. Патриархат, безусловно, играет главенствующую роль в объяснении структуры отношений между полами и того невероятного восхищения, которое гетеросексуальность по-прежнему вызывает у них,

⁴ С. де Бовуар. Второй пол. NY: Vintage Books, 1970 [1949] [S. de Beauvoir. The Second Sex. New York: Vintage Books, 1970 [1949]].

⁵ См. ссылку 1.

⁶ Аткинсон Т.-Г. Радикальный феминизм и любовь. NY: New York University Press, 2001 (1974). С. 138–142 [Atkinson T.-G. Radical Feminism and Love (1974), in Susan Ostrov Weisser (ed.), Women and Romance: A Reader. New York: New York University Press, 2001. P. 138–142].

⁷ Маккиннон С. А. Сексуальные домогательства в отношении работающих женщин: Вопрос о половой дискриминации. New Haven: Yale University Press, 1979 [MacKinnon C. A. Sexual Harassment of Working Women: A Case of Sex Discrimination. New Haven: Yale University Press, 1979]; Рич А. Принудительная гетеросексуальность и лесбийская сущность // Signs. 5(4). 1980. С. 631–660 [Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs. 5(4). 1980. P. 631–660]; Шектер С. Анализ сохранения насилия в отношении женщин в семье // Эгида: Журнал об искоренении насилия в отношении женщин. Июль/август 1979. С. 47 [Schechter S. Towards an Analysis of the Persistence of Violence against Women in the Home // Aegis: Magazine on Ending Violence against Women. July / August 1979. P. 47]; Шектер С. Женщины и мужское насилие: Взгляды и противостояние Движения Женщин, подвергающихся насилию в семье. NY: South End Press, 1983 [Schechter S. Women and Male Violence: The Visions and Struggles of the Battered Women's Movement. New York: South End Press, 1983].

хотя одного этого недостаточно, чтобы объяснить необычайную власть, которую идеал любви имеет над современными мужчинами и женщинами.

Таким образом, эта книга хочет определить рамки для установления институциональных причин романтических страданий, но само собой разумеется, что каждый конкретный опыт любви оказывает мощное влияние, которое нельзя объяснить просто «ложным сознанием»⁸. Это исключило бы сам вопрос, прежде чем он был бы задан. Я утверждаю здесь то, что причина столь большого значения любви для нашего счастья и самосознания недалеко от причин, объясняющих, почему это такой сложный аспект нашего жизненного опыта: эти причины тесно связаны с тем, каким образом личность и самосознание институционализируются в эпоху модернизма. Если многие из нас испытывают некое щемящее чувство тревоги или беспокойства в отношении любви, если все, что касается любви, приводит нас в смятение, делает нас уязвимыми и недовольными собой, по словам философа Гарри Франкфурта⁹, это происходит от того, что любовь содержит в себе, отражает и усиливает захват личности институтами модернизма¹⁰, институтами, надо отметить, сформированными экономическими и гендерными отношениями. Как прекрасно выразился Карл Маркс, «люди творят свою историю сами, но не добровольно, не по своему собственному выбору, а в мгновенно возникших обстоятельствах, которые были им предоставлены или переданы по наследству»¹¹. Когда мы любим или находимся в подавленном состоянии (или обижаемся на кого-то), мы делаем это не по собственной воле и в ситуациях, созданных не нами, и именно эти обстоятельства и ситуации я хотела бы исследовать в данной книге. Самое главное доказательство, которое мне хотелось представить на следующих страницах, заключается в том, что нечто фундаментальное в структуре наших романтических желаний изменилось в современном обществе. Эти изменения, т. е. чего мы хотим и как мы подходим к реализации наших потребностей в отношениях с сексуальными партнерами, очень подробно описаны в главах 2 и 3. В главе 4 рассматриваются изменения, которые делают нас уязвимыми и заставляют чувствовать себя недостойным. Наконец, 5 и 6 главы рассказывают об изменениях в структуре наших эротических и романтических желаний и в содержании мыслей и эмоций их активизирующих. Структура самого желания, его осознание и воплощение составляют три основные линии анализа преобразований любви в эпоху модернизма. В конечном счете, моя цель состоит в том, чтобы рассмотреть любовь так, как Маркс в свое время рассматривал товары: показать, что она формируется и возникает в конкретных социальных отношениях; продемонстрировать, что она подобно товару находится в обращении среди неравных конкурирующих субъектов; и утверждать, что некоторые из них обладают более значительным потенциалом для определения условий этой любви.

Опасностей, таящихся в подобном анализе, множество. Самая очевидная из них, вероятно, связана с тем, что я, возможно, преувеличила различия, отделяющие «нас» (современных) от «них» (наших предшественников). Несомненно, многие читатели (если не большинство) будут думать о своем собственном наборе доказательств, ставящих под сомнение мое утверждение о том, что причины любовных страданий имеют отношение к современности. Однако я охотно отвечу на это серьезное возражение. Во-первых, я не утверждаю, что страдания от любви – это нечто новое, появились лишь некоторые причины, из-за которых мы их испытываем. Второй ответ имеет отношение к социологии: нас интересуют не столько отдель-

⁸ Для исчерпывающего ответа на этот вопрос см: *Свидлер А.* Разговор о любви. Chicago: University of Chicago Press, 2001 [Swidler A. Talk of Love. Chicago: University of Chicago Press, 2001].

⁹ *Франкфурт Н.* Причины любви. Princeton: Princeton University Press, 2004. С. 5 [Frankfurt N. The Reasons of Love. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 5].

¹⁰ *Чайэрс Э.* Современная личность в безвыходном положении. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003 [Chowers E. The Modern Self in the Labyrinth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003].

¹¹ *Вазнер П.* Социология модернизма: Свобода и дисциплина. London: Routledge, 1994. С. xiii [Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. London: Routledge, 1994. P. xiii].

ные действия и настроения индивидов, сколько структуры, их провоцирующие. Хотя в близком и отдаленном прошлом мы можем найти огромное количество примеров, внешне похожих на нынешние ситуации, они не указывают на те крупномасштабные структуры, на которые указывают нам современные любовные практики и свойственные им страдания. В этом смысле, я надеюсь, историки простят меня за то, что я использую историю не столько как сложную науку, полную дат, событий и достижений, сколько в качестве контраста, декоративного фонового гобелена с фиксированными мотивами, которые помогают высветить характерные черты модернизма.

Как и другие социологи, я рассматриваю любовь как привилегированный микрокосм, с помощью которого можно понять процессы модернизма, но в отличие от них история, которую я должна рассказать, не героическая победа чувств над разумом и гендерного равенства над гендерной эксплуатацией, это история, в которой все далеко не так однозначно.

Что такое модернизм?

В отличие от любой другой дисциплины социология возникла из отчаянных и тревожных вопросов о значении и последствиях модернизма. Карл Маркс, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель – все они пытались понять смысл перехода от «старого» мира к «новому». «Старым» была религия, община, порядок и стабильность. «Новым» были захватывающие дух перемены, отделение церкви от государства, расторжение общественных связей, растущие претензии на равенство и мучительная неопределенность в отношении личности. С тех самых пор, с того самого удивительного периода, отмечающего переход от середины XIX к XX в., социология задавалась одними и теми же острыми вопросами: не подорвет ли общественный порядок снижение роли религии и общины в жизни общества? Сможем ли мы жить содержательной полноценной жизнью в отсутствие святости? В частности, Макс Вебер был обеспокоен вопросами, которыми задавались Достоевский и Толстой: «Если мы больше не боимся Бога, что будет с нашей нравственностью? Если мы больше не связываем нашу жизнь со святостью, общиной и послушанием, что сделает нашу жизнь содержательной, что даст ей смысл? Если в основе нравственности человек, а не Бог, что случится с “этикой братства”, ставшей движущей силой религий?¹²». На самом деле, изначально, социология была призвана понять, каким мог бы стать смысл жизни после упадка религии.

Большинство социологов сошлись во мнении, что модернизм предложил вдохновляющие возможности, но также и риски, угрожающие нам жить наполненной смыслом жизнью. Даже социологи, признавшие, что модернизм означал прогресс по сравнению с невежеством, хронической бедностью и повсеместным подчинением, все еще рассматривали его как оскудение нашей способности рассказывать красивые истории и жить в богато обставленной культурной среде. Модернизм отрезвил людей, освободил их от сильных, но сладких иллюзий и заблуждений, которые делали их страдания терпимыми. Лишенные этих фантазий люди проводили бы свои жизни без каких-либо обязательств по отношению к высшим принципам и ценностям, без религиозного пыла и экстаза, без героизма святых, без определенности и упорядоченности божественных заповедей, но больше всего – без тех романов, которые утешают и украшают жизнь.

Подобное отрезвление нигде более не проявляется так очевидно, как в сфере любви, которой в течение нескольких веков в истории Западной Европы управляли идеалы рыцарства, доблести и романтизма. Рыцарство следовало одному кардинальному положению: преданно и самоотверженно защищать слабых. Слабость женщин, таким образом, стала частью культурной системы, где она была общепризнана и окружена ореолом, поскольку преобразовала мужскую власть и женскую хрупкость в привлекательные качества: «способность защитить» для мужчин и «мягкость» и «нежность» для женщин. Женская социальная неполноценность могла таким образом обмениваться на абсолютную мужскую преданность в любви, которая, в свою очередь, служила той самой областью проявления мужественности, доблести и чести. Более того, лишение женщин права собственности и экономических и политических прав сопровождалось (и, по-видимому, компенсировалось) заверением, что, будучи любимыми, они не только защищены мужчинами, но даже имеют превосходство над ними. Поэтому неудивительно, что любовь исторически так желанна для женщин; она обещала моральный статус и достоинство, в котором им было отказано в обществе, и ореолом окружила их социальный удел: быть матерью, женой или любовницей, любить и заботиться о других. Так, исторически любовь была

¹² Вебер М. Направления религиозного неприятия мира // in H. H. Gerth and C. W. Milles (eds and trans), From Max Weber. London: Routledge, 1970 [1948]. С. 323–359 [Weber M. Religious Rejections of the World and Their Directions, in H. H. Gerth and C. W. Milles (eds and trans), From Max Weber. London: Routledge, 1970 [1948]. P. 323–359].

крайне привлекательной именно потому, что, приукрасив, она скрыла глубокое неравенство, лежащее в основе гендерных отношений.

Высокий, или гипермодернизм, узко определенный в этой книге, это период после Первой мировой войны, известный повсеместно как модернизм, обозначивший обострение социальных тенденций, заложенных в раннем модернизме, и изменивший, порой глубоко, культуру любви и структуру гендерной идентичности. Эта культура действительно сохранила и даже усилила идею любви, наделяя ее способностью выходить за рамки обыденного. Впрочем, когда в интимных отношениях оказались вместе два политических идеала гендерного равенства и сексуальной свободы, это лишило любовь ритуалов уважения и той мистической ауры, которой она ранее была окутана. Все святое в любви стало мирским, и в конечном итоге мужчины вынуждены были трезво взглянуть на реальные условия жизни женщин. Этот глубокий раскол и двойственный характер любви, являющиеся источниками экзистенциальной трансцендентности и глубоко оспариваемой областью проявления гендерной идентичности, характеризуют современную культуру любовных отношений. Строго говоря, проявить гендерную идентичность и осуществить гендерную борьбу означает разобраться с институциональными и основными культурными дилеммами и двойственностью модернизма, дилеммами, организованными вокруг ключевых культурных и институционных идей подлинности, независимости, равенства, свободы, ответственности и самореализации. Изучение любви не является второстепенным, оно имеет *ключевое* значение для изучения сути и основ модернизма¹³.

Гетеросексуальная романтическая любовь как нельзя лучше подходит для анализа такого двойственного представления о модернизме, поскольку последние четыре десятилетия стали свидетелями радикализации свободы и равенства в романтических отношениях, а также радикального раскола между сексуальностью и эмоциональностью. Гетеросексуальная романтическая любовь пережила две наиболее важные культурные революции XX в.: индивидуализацию образа жизни и активизацию эмоциональности; а также экономизацию социальных отношений, широкую распространенность экономических моделей для формирования личности и ее подлинных эмоций¹⁴. Пол и сексуальность освободились от моральных норм и стали частью образа жизни индивида, при этом язык капиталистической культуры массово проник в сферу гетеросексуальных романтических отношений.

Например, когда (гетеросексуальная) любовь стала основной темой романа, мало кто заметил, что она тесно переплелась с другой темой, не менее важной для буржуазного романа и для модернизма в целом: с темой социальной мобильности. Это можно увидеть на примерах Кэтрин и Эммы, обсуждаемых ранее. Таким образом, одним из главных вопросов, заданных романом (а затем и голливудским кинематографом), был и остается вопрос о том, может ли и при каких условиях любовь превалировать над социальной мобильностью и, наоборот, должна ли социально-экономическая совместимость быть необходимым условием для любви. Формирование современной личности было одновременно эмоциональным и экономическим, романтическим и рациональным. Центральное место любви в браке (и в романах) совпало с угасанием самого брака как инструмента создания межсемейных союзов, что ознаменовало новую роль любви в социальной мобильности. Однако это означало далеко не прекращение, а углубление экономических расчетов и исчислений, поскольку положение мужчин и женщин на социальной лестнице все чаще и чаще менялось в ту или другую сторону благодаря социальной алхимии любви. Поскольку любовь сделала сопряжение между браком и стратегиями экономического и социального воспроизводства менее явным и формальным, современный выбор

¹³ Это также является теоретической и социологической точкой зрения различных социологов, таких как Гидденс, Бек и Гернсхайм-Бек и Бауман.

¹⁴ См.: Белла Р., Салливан У., Свидлер А. и Типтон С. Привычки сердца: Индивидуализм и обязательства в американской жизни. Berkeley: University of California Press, 1985 [Bellah R., Sullivan W., Swidler A. and Tipton S. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press, 1985].

партнера стал постепенно включать в себя как эмоциональные, так и экономические притязания. Любовь учитывала теперь рациональные и стратегические интересы, объединяя экономическое положение и эмоциональные склонности партнеров в единую культурную матрицу. Таким образом, одним из ключевых культурных преобразований модернизма стало смешение любви с экономическими стратегиями социальной мобильности. По этой же причине в данной книге содержится ряд методологических погрешностей: гетеросексуальная любовь здесь рассматривается более пристально, чем гомосексуальная, поскольку первая содержит отрицание экономического обоснования выбора объекта любви и объединяет в себе как экономическую, так и эмоциональную логику. Иногда эти две логики гармонично и плавно согласуются, но они одинаково часто расщепляют романтические чувства изнутри. Смешение любви и экономического расчета приводит к тому, что любовь моментально оказывается в эпицентре современной жизни и подвергается противоречивому давлению. Подобное переплетение эмоционального и экономического, таким образом, является лейтмотивом переосмысления роли любви в эпоху модернизма, которое я предлагаю рассмотреть, демонстрируя как возможность выбора, рациональность, интерес и конкуренция изменили характер поиска, способы знакомства и ухода за партнером, методы консультирования и варианты принятия решений о своих чувствах. Другая методологическая погрешность этой книги заключается в том, что она рассматривает любовь главным образом с точки зрения женщин, а не мужчин, и особенно с точки зрения женщин, в основном предпочитающих брак, продолжение рода и образ жизни среднего класса. Как я надеюсь здесь показать, именно сочетание этих устремлений и их место на свободном рынке сексуальных контактов создают новые формы эмоционального доминирования мужчин над женщинами. Иными словами, несмотря на то, что эта книга касается многих женщин, она, разумеется, относится не ко всем (конечно, не к лесбиянкам и женщинам, которые не заинтересованы в семейной жизни, в браке или без, в детях).

Любовь в эпоху модернизма, современный характер любви

Усиление позиций модернизма обычно объясняется научными знаниями, деятельностью печатных средств массовой информации, развитием капитализма, секуляризацией и влиянием демократических идей. Недостающим звеном в этом списке является формирование рефлексивной эмоциональной личности, которое, как я ранее отмечала¹⁵, сопровождало становление модернизма, личности, определявшей себя и свою идентичность преимущественно эмоционально и сосредоточенной на управлении своими чувствами и на их утверждении. Эта книга хотела бы определить место для культурного идеала и искусства романтической любви в культурной сущности модернизма, наиболее ярко проявляющейся в ее решающем значении для формирования биографии и характера эмоциональной личности. Как выразился Уте Фреверт: «Не только история порождает эмоции, но и эмоции творят историю»¹⁶.

Философ Габриель Моцкин предлагает задуматься о роли любви в длительном процессе формирования современной личности. По его словам, Христианская (Паулианская) вера отводила центральное место эмоциям любви и надежды, создавая тем самым эмоциональную личность (а не, скажем, интеллектуальную или политическую)¹⁷. Моцкин заявляет, что процесс секуляризации культуры состоял, в частности, в секуляризации религиозной любви. Такая секуляризация принимала две различные формы: она превратила мирскую любовь в священное чувство (позднее отмечаемое как романтическая любовь), а романтическую любовь в эмоцию, противостоящую ограничениям, налагаемым религией. Таким образом, секуляризация любви сыграла важную роль в процессе освобождения от религиозной власти.

Если нужно определить более точные временные рамки этих исследований, то протестантская реформация, по-видимому, считается важным этапом в формировании современной романтической личности, поскольку она обозначила новый комплекс противоречий между патриархальностью и новыми эмоциональными ожиданиями относительно идеала подходящего брака. «Пуританские писатели поощряли формирование новых идеалов поведения в браке, подчеркивая важность близости и эмоциональности среди супружеских пар. Мужьям было рекомендовано не забывать о духовном и психологическом благополучии своих жен»¹⁸.

Многочисленные ученые, историки и социологи утверждают, что любовь, особенно в протестантских культурах, была источником гендерного равенства, поскольку она сопровождалась возвышенным отношением к женщине¹⁹. Благодаря религиозному наказу нежно любить своего супруга статус женщин повысился, и они получили возможность принимать решения наравне с мужчинами. Энтони Гидденс и др., кроме того, предполагают, что любовь играла главную роль в формировании женской независимости, поскольку в XVIII в. культурный идеал романтической любви, отделенный от религиозной этики, предписывал женщинам, равно как

¹⁵ Иллюз Е. Спасая современную душу: Терапия, Эмоции и Культура самопомощи. Berkeley: University of California Press, 2008 [Illouz E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions and the Culture of Self-Help. Berkeley: University of California Press, 2008].

¹⁶ Frevert U. Was haben Gefühle in der Geschichte zu suchen? // Geschichte und Gesellschaft. 35. 2009. P. 183–208 (P. 202)].

¹⁷ Моцкин Г. Секуляризация, знания и полномочия // Религия и демократия в современной Европе / Под ред. Г. Моцкин, Я. Фишер. Jerusalem: Alliance Publishing Trust, 2008 [Motzkin G. Secularization, Knowledge and Authority // Religion and Democracy in Contemporary Europe / G. Motzkin and Y. Fischer (eds). Jerusalem: Alliance Publishing Trust, 2008].

¹⁸ Макдональд М. Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 98 [MacDonald M. Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 98].

¹⁹ Канциан Ф. Любовь в Америке. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 [Cancian F. Love in America Cambridge: Cambridge University Press, 1987]; Гидденс А. Трансформация интимности. Cambridge: Polity Press, 1992 [Giddens A. The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992]; Стоун Л. Семья, секс и супружество. NY: Harper and Row, 1977 [Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800. New York: Harper and Row, 1977].

и мужчинам, свободно выбирать объект своей любви²⁰. На самом деле, сама идея любви подразумевает свободную волю и независимость влюбленных. Моцкин даже предполагает, что «развитие демократических концепций власти является дальним следствием предпосылки эмоциональной независимости женщин»²¹. Сентиментальная литература и романы XVIII в. еще больше подчеркивали эту культурную тенденцию, поскольку идеал любви, который они пропагандировали, и в теории и на практике способствовал ослаблению власти, которую родители – особенно отцы – проявляли по отношению к бракам своих дочерей. Таким образом, идеал романтической любви является движущей силой женской эмансипации в одном важном аспекте: он является движущей силой индивидуализации и независимости, какие бы формы она ни принимала. Поскольку в XVIII и XIX вв. частная жизнь стала цениться высоко, женщины могли проявлять то, что Энн Дуглас называла, используя выражение Харриет Бичер Стоу, «бело-розовой тиранией», т. е. стремлением «американских женщин девятнадцатого века получить власть, злоупотребляя своей женской сущностью»²². Любовь отдала женщин под опеку мужчин, но сделала это, узаконив модель неприкосновенной личности, любящей семейный уют, которая отличалась независимыми суждениями и поступками и, самое главное, требовала эмоциональной независимости. Таким образом, романтическая любовь укрепила нравственный индивидуализм в частной сфере, что сопровождалось подъемом сферы общественной. На самом деле, любовь является наглядным примером и двигателем новой модели общения, которую Гидденс назвал «чистыми отношениями»²³, основанной на договорном предположении, что два человека с равными правами объединяются в эмоциональных и индивидуалистических целях. Подобный договор устанавливается двумя лицами ради их блага и может вступать в силу и аннулироваться по их собственному желанию.

Однако, наряду с тем, что любовь сыграла значительную роль в формировании «эмоционального индивидуализма», как называют его историки, модернистская художественная литература имеет тенденцию представлять ее как героическую, как путь от рабства к свободе. Когда любовь торжествует, согласно истории, браки по расчету и интересам исчезают, а индивидуализм, независимость и свобода празднуют триумф. Тем не менее, хотя я и согласна с тем, что романтическая любовь бросила вызов как патриархату, так и институту семьи, «чистые отношения» также сделали частную сферу более нестабильной, а романтическое сознание несчастным. На мой взгляд, то, что делает любовь таким постоянным источником неудовлетворенности, дезориентации и даже отчаяния, может быть должным образом объяснено только с помощью социологии и понимания культурной и институциональной сущности модернизма. Именно поэтому я считаю, что подобный анализ будет уместным для большинства стран, вовлеченных в процесс формирования модернизма, основанного на равенстве, договорности, интеграции мужчин и женщин в капиталистический рынок и на узаконенных «правах человека» как основной сути личности: эта межкультурная институциональная матрица, которую можно найти во многих странах мира, разрушила и преобразовала традиционную экономическую функцию брака и традиционные способы регулирования отношений между полами. Эта матрица позволяет нам задуматься о весьма противоречивом нормативном характере модернизма. Хотя мой анализ любви в условиях модернизма и носит *критический* характер, но лишь с точки зрения *трезвого модернистского* подхода, т. е. подхода, признающего, что, несмотря

²⁰ Гидденс А. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004 [Giddens A. The Transformation of Intimacy. Saint-Petersburg: Piter, 2004].

²¹ Моцкин Г. Секуляризация, знания и полномочия. С. 43 [Motzkin G. Secularization, Knowledge and Authority. P. 43].

²² Дуглас А. Феминизация американской культуры. NY: A. A. Knopf, 1978. С. 6–7 [Douglas A. The Feminization of American Culture. New York: A. A. Knopf, 1978. P. 6–7].

²³ Гидденс А. Модернизм и самосознание. Stanford: Stanford University Press, 1991. С. 70–108 [Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 70–108]; Гидденс А. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004 [Giddens A. The Transformation of Intimacy. Saint-Petersburg: Piter, 2004].

на огромное количество страданий и разрушений, который принес западный модернизм, его основные ценности (политическая эмансипация, секуляризм, рациональность, индивидуализм, нравственный плюрализм, равенство) остаются в настоящее время без какой-либо видимой превосходящей альтернативы. Тем не менее одобрение западного модернизма должно быть здоровым, поскольку эта культурная форма модернизма произвела свои собственные виды эмоциональных страданий и разрушений традиционных жизненных укладов, сделала онтологическую неуверенность привычной чертой современной жизни и оказывает все более осязаемое влияние на формирование личности и ее стремлений²⁴.

²⁴ См.: *Жируп Р.* Священная жертва. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003 [*Girard R.* Le Sacrifice. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2003]; *Жируп Р.* Театр зависти: Уильям Шекспир. NY: Oxford University Press, 1991 [*Girard R.* A Theatre of Envy: William Shakespeare. New York: Oxford University Press, 1991].

Почему социология является и остается необходимой

Дедушка современной психологии Уильям Джеймс утверждал, что первый факт, который должны учитывать психологи, заключается в том, что «процесс мышления продолжается», а мышление, по его словам, процесс личный, каждая мысль является частью сознания человека, которое заставляет его выбирать, с какими переживаниями внешнего мира иметь дело, а какие отвергать²⁵. В то же время с самого момента возникновения социологии ее основным призванием было развенчание социальной основы мировоззрения. Для социологов не существует противоречия между личным и общественным, поскольку содержание мыслей, желаний и внутренних конфликтов имеет институциональную и коллективную основу. Например, когда общество и культура поощряют страстную романтическую любовь и гетеросексуальный брак в качестве моделей для взрослой жизни, они формируют не только наше поведение, но и наши стремления, надежды и мечты о счастье. Но социальные модели делают больше: соединяя идеал романтической любви с институтом брака, современные формы правления внедряют социальные противоречия в наши стремления, противоречия, которые, в свою очередь, отнимают психическую жизнь. Институциональное устройство брака (основанное на моногамии, сожительстве и объединении экономических ресурсов для увеличения благосостояния) препятствует возможности поддерживать романтическую любовь как глубокую и всепоглощающую страсть. Подобное противоречие вынуждает супругов или партнеров выполнять значительный объем духовной работы для управления и согласования этих двух конкурирующих культурных систем координат²⁶. Объединение идеала романтической любви с институтом брака, в свою очередь, иллюстрирует, что гнев, неудовлетворенность и разочарование, свойственные им, лежат в основе социальных и культурных отношений. Противоречия являются неизбежной частью культуры, и люди, как правило, без особых усилий лавируют между ними, однако с некоторыми из них справляться гораздо труднее. Когда противоречия затрагивают саму возможность сформулировать произошедшее, их плавная интеграция в повседневную жизнь становится затруднительной.

То, что люди по-разному трактуют одни и те же пережитые испытания или то, что мы переживаем наш социальный опыт в основном через психологические категории, не означает, что этот опыт является частным и единичным. Опыт всегда формируется учреждениями (для больного – в больнице, для неуправляемого подростка – в школе, для сердитой женщины – в семье и т. д.); он имеет формы, интенсивность и своеобразие, которые исходят из того, как институты структурируют эмоциональную жизнь. Например, большая часть гнева или разочарования в браке зависит от того, как каждая пара выстраивает гендерные отношения и совмещает институциональные и эмоциональные алгоритмы: скажем, стремление добиться равенства и взаимодействия друг с другом независимо от половой принадлежности и дистанцию, которая неизбежно возникает во взаимоотношениях полов. Наконец, чтобы быть понятным, жизненный опыт должен следовать установленным культурным укладам. Больной человек может объяснить свою болезнь как Божье наказание за его прошлые поступки, или как биологическую случайность, или как заболевание, возникшее из-за бессознательного желания умереть, – все эти толкования формируются благодаря тщательно разработанным объяснительным моделям, исторически возникшим в определенное время в определенном обществе.

Это не означает, что я отрицаю идею о том, что между людьми существуют важные психические различия или что эти различия не играют важной роли в определении нашей жизни.

²⁵ Джеймс У. Основы психологии. NY: Cosimo, 2007 [1890]. С. 224 [James W. The Principles of Psychology, Vol. 1. New York: Cosimo, 2007 [1890]. P. 224].

²⁶ См.: Свидлер А. Разговор о любви [Swidler A. Talk of Love].

Скорее, мое возражение против нынешнего доминирующего психологического этоса (совокупность стабильных черт индивидуального или социального характера, проявляющихся в речи, поступках, привычках и пристрастиях, чувствах и увлечениях, то, что отлично от природы человека) состоит из трех аспектов: то, что мы считаем индивидуальными устремлениями и опытом, на самом деле имеет важную социальную и коллективную составляющую; что психические различия часто, хотя и не всегда, являются ничем иным, как различиями в социальных позициях и социальных устремлениях; и, наконец, влияние модернизма на формирование личности и самосознания как раз и состоит в том, чтобы выявить психические качества индивидов и предоставить им решающую роль в определении их судеб, как романтических, так и социальных. Тот факт, что мы являемся психологическими сущностями, т. е. наша психология имеет огромное влияние на нашу судьбу, *сам по себе является социологическим*. При сокращении моральных ресурсов и ослаблении системы социальных ограничений, формировавших поведение человека в социальной среде, структура модернизма оставила его один на один со *своей* психической структурой, тем самым сделав его психику уязвимой, но имеющей сильное влияние на создание собственной социальной судьбы. Соответственно, уязвимость личности в эпоху модернизма можно резюмировать следующим образом: человеческий опыт формируют мощные институциональные ограничения, но люди справляются с ними с помощью психических ресурсов, накопленных в ходе своего социального развития. Именно этот двойственный аспект современного социального опыта, заключенного между институциональным и психическим, я хочу подробно рассмотреть с точки зрения любви и любовных страданий.

Социология и психические страдания

С самого начала основным объектом изучения социологии были человеческие страдания, которые она рассматривала сквозь призму их коллективных форм неравенства, нищеты, дискриминации, болезней, политического угнетения, крупномасштабных вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Добившись в этом больших успехов, дисциплина пренебрегла, однако, исследованием обычных психических страданий, свойственных социальным отношениям: негодование, унижение и не встречающие ответа желания – лишь некоторые из множества примеров их повседневных и невидимых форм. Социология неохотно включала в сферу своей компетенции эмоциональные муки, которые справедливо считались основным направлением клинической психологии, во избежание оказаться втянутой в мутные воды индивидуалистической и психической моделей общества. Но для того, чтобы сохранить свою актуальность в современном обществе, социология должна в обязательном порядке исследовать эмоции, отражающие уязвимость личности в условиях позднего модернизма, уязвимость, которая одновременно является институциональной и эмоциональной. Эта книга утверждает, что любовь – одна из таких эмоций и что тщательный анализ опыта, который она порождает, вернет нас к первичному, все еще столь необходимому и остро актуальному призванию социологии.

Понятие «социальное страдание» может показаться долгожданным средством осмысления современных любовных страданий. Однако такое понятие не слишком подходит для моих целей, поскольку согласно трактовке антропологов, социальные страдания характеризуются широкомасштабными последствиями голода, нищеты, насилия, катастроф или стихийных бедствий²⁷, пренебрегая, таким образом, менее заметными и очевидными формами страдания, такими как тревога, чувство несостоятельности и депрессии, скрытыми в повседневной жизни и в обычных отношениях.

Психическое страдание имеет две основные черты. Во-первых, по предположению Шопенгауэра, страдание проистекает из того факта, что мы живем «воспоминаниями и ожиданиями»²⁸. Иначе говоря, страдание реализуется благодаря воображению: через образы и идеалы, составляющие наши воспоминания, через ожидания и душевные порывы²⁹. С точки зрения социологии, можно предположить, что страдание опосредовано культурными определениями индивидуальности. Во-вторых, страдание обычно сопровождается нарушением нашей способности к осмыслению. В результате, говорит Поль Рикер, страдание часто принимает форму стенаний о его слепоте и произволе³⁰. Поскольку страдание – это вторжение иррационального в повседневную жизнь, оно требует рационального объяснения причин, по которым человек его заслужил³¹. Иначе говоря, пережить страдание будет еще более невыносимо, в случае если его невозможно будет разумно объяснить. Когда страдание бессмысленно, мы страдаем вдвойне: от боли, которую испытываем, и от нашей неспособности придать ей смысл. И способы объяснения страданий различаются тем, какой смысл они придают боли и как они распределяют ответственность, различаются по аспектам переживания страдания и по возможно-

²⁷ Социальные страдания / Под ред. А. Клейнман, В. Дасс, М. Лок. Berkeley: University of California Press, 1997 [Social Suffering / A. Kleinman, V. Dass and M. Lock (eds). Berkeley: University of California Press, 1997].

²⁸ Шопенгауэр А. Очерки и афоризмы. Harmondsworth: Penguin, 1970. С. 44 [Schopenhauer A. Essays and Aphorisms. Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 44].

²⁹ Например, можно предположить, что эгалитарные культуры с эгалитарным культурным воображением и мобильной социальной структурой порождают больше психических страданий, чем кастовые общества, в которых у индивидов формируется мало или меньше ожиданий.

³⁰ Уилкинсон И. Страдание. Cambridge: Polity Press, 2005. С. 43 [Wilkinson I. Suffering. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 43].

³¹ В религии это было главной функцией религиозной теодицеи (бого-оправдания), которая объясняет, почему люди страдают и, что более важно, почему это является справедливым. В сфере любви клиническая психология выполняет функцию теодицеи, объясняя причины наших страданий и делая их не только понятными, но и приемлемыми.

сти (или невозможности) его преобразования в другую категорию опыта, будь то «искупление», «зрелость», «развитие» или «мудрость». Я бы добавила, что современные психические страдания, хотя и могут включать в себя целый ряд реакций, физиологических и психологических, характеризуются тем фактом, что на карту поставлены самооценка и чувство собственного достоинства. Психическое страдание включает в себя переживания, которые угрожают целостности личности. Страдание в современных интимных межличностных отношениях отражает положение личности в условиях модернизма. Романтическое страдание не является лирическим отступлением по отношению к возможно более серьезным формам страдания, поскольку, как я надеюсь показать, оно отображает проблемные ситуации и демонстрирует формы бессилия личности в эпоху модернизма. Как я показываю на основе анализа различных источников (подробных интервью, интернет-сайтов, статей из «Нью-Йорк Таймс», «Индепендент», «Модерн лав», романов XVIII и XIX вв., самоучителей по вопросам знакомств, любви и романтических отношений³²), случаи отвергнутой и безответной любви имеют такое же большое значение в жизни личности, как и другие (политические или экономические) формы социального унижения.

Скептики могут с полным основанием утверждать, что поэтам и философам давно уже известно о разрушительных последствиях любви и что страдание от любви было и все еще остается одним из главных сюжетных мотивов, кульминацией которого является Романтизм, в котором любовь и страдание взаимно отражают и определяют друг друга. Тем не менее эта книга утверждает, что есть нечто качественно новое в современном опыте страданий, порожденных любовью. Что по-настоящему ново в современных романтических страданиях, это: электронное регулирование брачных рынков (глава 2); изменения, произошедшие в искусстве выбора партнера (глава 3); ошеломляющее значение любви для формирования чувства социальной значимости (глава 4); рационализация страсти (глава 5); способы развития романтического воображения (глава 6). Но если эта книга и посвящена пониманию того, что в романтических страданиях по-настоящему ново и современно, она не стремится исчерпывающим образом охватить все многочисленные формы, которые принимают муки любви, а лишь некоторые из них; не исключает она и того факта, что многие люди счастливы в любви. Здесь утверждается, что и любовные муки, и счастье имеют особенные современные формы, и именно на них эта книга хочет обратить внимание.

³² Мои данные разнообразны и включают в себя 70 интервью с людьми, живущими в трех мегаполисах Европы, США и Израиля; широкий спектр веб-групп поддержки; романы XIX в. и современные романы; большую выборку современных справочников, касающихся любовных отношений, свиданий, брака и развода; сайты знакомств в интернете; наконец, двухлетний анализ еженедельной колонки «Современная любовь» в Нью-Йорк Таймс. Опрошенные составили 60 % женщин и 40 % мужчин. Поскольку мне были необходимы правдивые ответы, я использовала процедуру снежного кома. Все опрошенные были выпускниками высших учебных заведений, и их возраст колебался от 25 до 67 лет. Выборка включала одиноких людей, никогда не состоящих в браке, одиноких людей, которые были разведены, и женатых людей. Чтобы защитить анонимность опрошиваемых, я использовала псевдонимы. Национальные различия не обсуждаются по двум причинам. Во-первых, я обнаружила, что типы трудностей, с которыми сталкиваются мужчины и женщины, удивительно похожи (что само по себе является открытием); во-вторых, раз уж все исследования предполагают сосредоточить выбор на определенных аспектах явления и не принимать в расчет другие, мой выбор состоял в том, чтобы сосредоточиться именно на том, что объединяет, а не разделяет переживания этих мужчин и женщин в различных национальных контекстах.

Глава 2

Великая трансформация любви или возникновение брачного рынка

«А зачем вы САМИ к нам никогда не зайдете? Отчего это, Макар Алексеевич?» Что же это вы пишете, родная моя? Как же я к вам приду? Голубчик мой, что люди-то скажут? Ведь вот через двор перейти нужно будет, наши заметят, расспрашивать станут, – толки пойдут, сплетни пойдут, делу дадут другой смысл. Нет, ангельчик мой, я уж вас лучшие завтра у всенощной увижу; это будет благоразумнее и для обоих нас безвреднее.

Федор Достоевский. Бедные люди³³

...Это было в 1951 году... Какая девушка нашла бы парня «желанным» в Уайнбургском колледже? Во всяком случае, мне никогда не доводилось слышать о подобных чувствах среди девушек Уайнбурга, Ньюарка или где-либо еще. Насколько мне было известно, девушки не горели подобным желанием; их возбуждали ограничения, запреты и строгие табу, которые служили одной-единственной цели для большинства студенток (по крайней мере, для моих соучениц по Уайнбургу): закрутить роман с надежным перспективным молодым человеком и свить с ним семейное гнездышко вроде того, которое они временно покинули из-за учебы в колледже, причем сделать это как можно скорее.

Филипп Рот. Возмущение³⁴

Любовь издавна изображалась как переживание, подавляющее волю, как непреодолимая сила, неподвластная человеку. Тем не менее в этой и следующей главе я делаю заявление, которое, казалось бы, противоречит здравому смыслу: одним из наиболее плодотворных способов понять метаморфозы любви в эпоху модернизма является категория выбора. Это происходит не только потому, что любить – значит выделять одного человека среди других и таким образом формировать свою индивидуальность самым актом выбора объекта любви, но и потому, что любить кого-то – значит сталкиваться с вопросами выбора: «тот ли это человек?», «как мне узнать, подходит ли он мне?», «не встречу ли я со временем кого-нибудь более подходящего?». Эти вопросы относятся и к чувствам, и к выбору как к различающему типу действий. В той мере, в какой современная личность определяется собственными притязаниями на осуществление выбора – особенно в сфере потребления и в политике – любовь может помочь нам проникнуть в самую суть понимания социальной основы выбора в эпоху модернизма.

Выбор является определяющим культурным признаком современности, поскольку, по крайней мере, в экономической и политической сферах он воплощает в себе не только проявление свободы, но и два других компонента, оправдывающих ее проявление, а именно рациональность и независимость. В этом смысле выбор представляет собой одно из наиболее мощных культурных и институциональных направлений, формирующих индивидуальную сферу современной личности, он одновременно является и правом, и формой компетенции. Раз выбор присущ современной индивидуальности, то *как и почему* люди решают вступить или

³³ Достоевский Ф. М. Бедные люди (1846).

³⁴ Рот Ф. Возмущение. NY: Houghton Mifflin, 2008. С. 58 [Roth P. Indignation. New York: Houghton Mifflin, 2008. P. 58].

не вступить в отношения имеет решающее значение для понимания любви как опыта в эпоху модернизма.

Экономисты, психологи и даже социологи склонны думать о выборе как о естественном признаке проявления рациональности, своего рода фиксированном, инвариантном свойстве ума, определяемом как способность оценивать предпочтения, последовательно действовать на основе этих иерархически упорядоченных предпочтений и делать выбор, используя наиболее эффективные средства. Тем не менее выбор далеко не простая категория и формируется культурой не менее, чем другими областями воздействия. Поскольку выбор подразумевает иерархию между рациональным мышлением и эмоциями и упорядоченность среди разного рода рациональных мыслей и эмоций, побуждающих его сделать, и так как он предполагает саму способность сделать выбор и наличие когнитивных механизмов, чтобы организовать этот процесс, можно сказать, что он сформирован и культурой и обществом, одновременно являясь достоянием окружающей среды и интеллекта человека³⁵.

Одна из главных трансформаций, которым подвергается любовь в эпоху модернизма, связана с самими условиями романтического выбора. Эти условия бывают двух видов. Один из них касается *экологии выбора* или социальной среды, которая заставляет сделать определенный выбор. Например, эндогамные правила являются очень хорошим примером того, как выбор может быть ограничен рамками социальной среды, где в качестве потенциальных партнеров выступают члены одной семьи или члены одной расовой или этнической группы. В качестве альтернативы этому сексуальная революция преобразовала экологию сексуального выбора, сняв значительное количество запретов на выбор сексуального партнера. Экология выбора, таким образом, может быть результатом либо целенаправленной и сознательно разработанной политики³⁶, либо незапланированной социальной динамикой и процессами, происходящими в обществе.

Но у выбора есть и другой аспект, который я предлагаю назвать *архитектурой выбора*³⁷. Архитектура выбора связана с механизмами, которые являются внутренними для субъекта и формируются культурой: они касаются как критериев оценки какого-либо объекта (будь то произведение искусства, зубная паста или будущий супруг), так и способов самоконсультации, с помощью которых человек сверяется со своими эмоциями, знаниями и общепринятыми суждениями для принятия решения. Архитектура выбора состоит из ряда когнитивных и эмоциональных процессов и, что более важно, связана с тем, как эмоциональные и рациональные формы мышления оцениваются, воспринимаются и отслеживаются при принятии решения. Выбор может быть результатом сложного процесса самоконсультации и толкования альтернативных направлений или результатом «мгновенного» сиюминутного решения, но каждый из этих маршрутов имеет определенные культурные пути, которые еще предстоит осветить.

Наиболее ярко выражены шесть культурных компонентов архитектуры выбора. Во-первых, заставляет ли выбор задуматься об отдаленных последствиях принятых решений³⁸, и если

³⁵ Маркус Х. М., Китаяма С. Модели субъектности: Социокультурное разнообразие в формировании поведения. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. С. 1–58 [Markus H. M., Kitayama S. Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Construction of Action, in V. Murphy-Berman and J. Berman (eds), Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. P. 1–58].

³⁶ См.: Санстейн К. Р., Талер Р. Х. Подталкивание: улучшение решений по поводу здоровья, богатства и счастья. New Haven: Yale University Press, 2008 [Sunstein C. R., Thaler R. H. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale University Press, 2008].

³⁷ Эта концепция была сформулирована независимо от концепции Санстейна и Талера (см. предыдущее примечание) и означает нечто другое.

³⁸ О примерах появления новых способов рассмотрения отдаленных последствий принятых решений см.: Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Oxford: Blackwell, 1969 [1939] [Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Oxford: Blackwell, 1969 [1939]]; Хаскелл Т. Л. Капитализм и истоки гуманитарной эмоциональности, ч. 1 и 2 // The American Historical Review. 90(2), (1985), 339–61 [Haskell T. L. Capitalism and the Origins of the Humanitarian Sensibility, P. 1, 2 // The American Historical Review. 90(2), (1985), 339–61].

да, то что чаще всего приходит на ум или рисуется в воображении? Например, увеличение числа разводов, очевидно, привнесло новое понимание последствий брака при принятии решения жениться или выйти замуж. Предотвращение риска и предвосхищение сожаления, в свою очередь, могут стать отличительными чертами принятия некоторых решений (например, о браке), тем самым преобразуя сам процесс выбора. И наоборот, некоторые решения могут приниматься с учетом или без учета отдаленных последствий (например, финансовые волшебники с Уолл-Стрит до кризиса 2008 г., вероятно, прекрасно осознавали, как будут восприняты последствия их собственного выбора после финансового краха). Следовательно, являются ли последствия приоритетными в процессе принятия решений и что это за последствия, зависит от культуры.

Во-вторых, насколько формален сам процесс консультирования для принятия решений? Например, следует ли человек четким правилам или интуиции? Консультируется ли он с экспертом (оракулом, астрологом, раввином, священником, психологом, юристом, финансовым консультантом) или следует коллективному давлению и общественным нормам? Если человек обращается к специалисту, то что конкретно обсуждается в формальном процессе принятия решения: его будущее (как у астролога), закон, истинные неосознанные желания человека или его личные рациональные интересы?

В-третьих, какие способы самоконсультации используются для принятия решений? Можно полагаться на собственное интуитивное, привычное знание о мире, или, наоборот, проводить систематический поиск и оценку различных планов действий при наличии либо отсутствии ментальной карты доступных вариантов. Или можно принять решение после внезапного озарения. Например, современные мужчины и женщины все чаще занимаются самоанализом собственных эмоций, используя психологические модели для понимания их причин. Такие процессы самоконсультаций исторически и культурно различаются.

В-четвертых, существуют ли культурные нормы и методы, позволяющие не доверять нашим желаниям и потребностям и сомневаться в них? В христианской культуре, например, уже заложено недоверие к человеческим (сексуальным и иным) желаниям, тогда как потребительская культура, напротив, их поощряет и рассматривает как законное основание выбора. Недоверие и сомнение, основанные на нормах культуры, (или же их отсутствие), вероятно, будут определять процесс и результат принятия решений.

В-пятых, каковы общепринятые основания для принятия решения? Являются ли рациональные или эмоциональные способы оценки законными обоснованиями выбора и в какой области выбора они, скорее всего, будут действовать? Например, покупка дома и выбор партнера по-разному регулируются рациональным познанием и эмоциями. Даже если на практике мы гораздо более «эмоциональны» на рынке недвижимости или более «рациональны» на рынке брака, чем нам хотелось бы признать, культурные модели эмоциональности и рациональности влияют на то, как мы принимаем и воспринимаем наши решения.

И, наконец, ценится ли выбор сам по себе? В этом плане современная культура потребления, основанная на правах человека, существенно отличается от предшествующих культур. Более того, на Тайване, например, в отличие от Соединенных Штатов ориентированность на какого-либо человека в процессе выбора партнера гораздо чаще основывается на факторах, не имеющих отношение к паре (социальные нормы, круг общения или обстоятельства)³⁹. Сами категории выбора в этих двух культурах в корне различны.

³⁹ Chang S. C., Chan C. H. Изменение восприятия обязательства в процессе выбора партнера: Пример тайваньских молодоженов // *Journal of Social and Personal Relationships*. 24(1) (2007). 55–68 [Chang S. C., Chan C. H. Perceptions of Commitment Change during Mate Selection: The Case of Taiwanese Newlyweds // *Journal of Social and Personal Relationships*. 24(1) (2007). 55–68]. Аналогичный пример см.: Леманн Д., Зибзегнер Б. Власть, границы и институты: брак в ультраортодоксальном иудаизме // *European Journal of Sociology*. 50(2). 2009. С. 273–308 [Lehmann D., Siebzehner B. Power, Boundaries and Institutions: Marriage in Ultra-Orthodox Judaism // *European Journal of Sociology*. 50(2). 2009. P. 273–308].

То, что человек понимает под своими предпочтениями, не важно, воспринимает ли он их эмоционально, психологически или рационально, и способы анализа этих предпочтений формируются на языке самой личности, что является основой архитектуры выбора⁴⁰. Если когнитивные и эмоциональные механизмы, формирующие архитектуру выбора, исторически и культурно различаются, то современную личность можно успешно охарактеризовать условиями и способами, в которых делается выбор. В этой и следующей главе я попытаюсь охарактеризовать преобразования в экологии и архитектуре романтического выбора.

⁴⁰ См.: *Савани К., Маркус Х., Коннер А.* Позволить предпочтениям стать вашим советчиком? Предпочтения и выбор более тесно связаны у североамериканцев, чем у индийцев // *Journal of Personality and Social Psychology*. 95(4). 2008. С. 861–876 [*Savani K., Markus H., Conner A.* Let Your Preference Be Your Guide? Preferences and Choices are More Tightly Linked for North Americans Than for Indians // *Journal of Personality and Social Psychology*. 95(4). 2008. P. 861–876].

Характер и нравственная экология романтического выбора

Чтобы понять *differentia specifica*, т. е. характерную особенность сегодняшнего современного любовного выбора, я хочу продолжить *исходя из противоположного* и сосредоточиться на культурном прототипе, который достаточно современен, чтобы соответствовать образцам эмоционального индивидуализма, но весьма отличается от теперешнего, чтобы сделать более заметными соответствующие признаки, характеризующие наши собственные современные романтические подходы. Для проведения такого анализа я сосредоточусь на литературных текстах, поскольку они лучше всяких фактов формулируют культурные модели и типы идеалов. В частности, я выбрала литературный мир Джейн Остин, известной своим интересом к вопросам супружества, любви и социального статуса.

Я рассматриваю эти тексты не как исторические документы, повествующие о романтических практиках, а как культурные свидетельства формирования личности, морали и межличностных отношений в Англии в начале и середине XIX в. Таким образом, эти романы не используются в качестве доказательства исторической сложности брачных традиций в эпоху Регентства. Я также не намерена выделять многогранные аспекты сюжетов и персонажей Остин, что, несомненно, было бы предпочтительней при обычном литературном чтении ее романов. Мой собственный ограниченный подход оставляет без внимания многослойность и глубину ее текстов и предпочитает сосредоточиться на *системе* культурных допущений, формирующих матримониально-романтические традиции среднего класса, обсуждаемые в мире Остин. Джейн Остин, как известно, критиковала весьма распространенное корыстолюбие, которое управляло сватовством, и продвигала взгляд на брак, основанный на привязанности, взаимном уважении и чувствах (хотя и придерживающийся социально принятых норм). Но ее тексты интересны именно потому, что они предлагают осознанные размышления о браке с точки зрения классового подхода и об эмоциональном индивидуальном выборе, поскольку они предлагают «компромисс» между двумя этими формами действий и являются отправным пунктом для понимания культурной системы, в рамках которой формировались романтические чувства в Англии в начале и середине XIX в., т. е. дают представления о ритуалах, социальных нормах и институтах, ограничивавших выражение и проживание чувств.

В той мере, в какой литературные тексты содержат систематически закодированные культурные предположения – о самоидентичности, морали или ритуалах поведения, они могут помочь нам построить культурные модели, альтернативные нашим, – то, что социологи называют идеальными типами, которые в качестве контраста могут быть полезны для проведения анализа наших собственных романтических практик. Проводя параллели между культурной моделью Остин и фактической практикой ухаживания в средних и высших классах XIX в., я надеюсь понять некоторые элементы современной социальной структуры супружеских отношений. Подобно тому, как художники используют яркие фоновые цвета, чтобы подчеркнуть объекты, расположенные на переднем плане картины, мир Остин используется здесь в качестве живописного полотна, чтобы лучше раскрыть социальную организацию и глубинную структуру создания романтических пар в современном обществе.

Таким образом, нижеследующий анализ освещает структурные тенденции и изменение культурных моделей, а не детальное исследование конкретных случаев.

Любовь персонажей, характер любви

В своем замечательном романе «Эмма» (1816 г.) Джейн Остин объясняет природу любви мистера Найтли к Эмме:

Она [Эмма] из-за беспечности или упрямства слишком часто пренебрегала его [Найтли] советами, или даже нарочно препиралась с ним, не замечая и половины его достоинств, и ссорилась с ним из-за того, что он не хотел признавать ее ошибочные и высокомерные суждения – но все же, по семейной привязанности, по привычке и по благородству души, он любил ее, как ни одно другое существо, наблюдая за ней с детских лет, исправлял и заботливо пытался наставить ее на путь истинный⁴¹.

Изложенное здесь видение любви исходит непосредственно из того, что мужчины и женщины XIX в. называли «характером». В отличие от давней западной традиции, которая представляет любовь как эмоцию, превосходящую способность здраво рассуждать и позволяющую слепо идеализировать объект любви, любовь Найтли в романе крепко связана с его проницательностью и способностью разбираться в людях. Вот почему недостатки Эммы подчеркнуты не менее ее достоинств. Единственный человек, который любит Эмму, является единственным, кто видит ее недостатки. Любить человека – значит смотреть на него широко открытыми и все понимающими глазами. И, в отличие от того, что мы могли бы ожидать в настоящее время, такая способность разбираться в людях (и осознавать их недостатки) не влечет за собой никаких противоречивых чувств по отношению к Эмме. Напротив, благородство души позволяет мистеру Найтли прощать ее ошибки, распознать то, что позже окажется ее собственным душевным благородством⁴², и даже с пылом и страстью стремиться усовершенствовать ее характер. Понимание недостатков Эммы совсем не противоречит его полной преданности ей, поскольку оба эти чувства проистекают из одного и того же нравственного источника. Любовь Найтли сама по себе в высшей степени нравственна не только потому, что он делает объект своей любви подотчетным моральному кодексу, но и потому, что любовь к Эмме переплетается с его нравственным замыслом формирования ее ума. Когда он с волнением смотрит на нее, не вожделение обуревают им, а страстное желание видеть, что она поступает правильно. Это конкретное представление о любви говорит не об уникальной самобытности человека, которого мы любим, а о его способности соответствовать тем достоинствам, перед которыми мы (и другие) поклоняемся. Весьма интересно, что Эмма совсем не чувствует себя униженной или оскорбленной упреками Найтли, она принимает их. Более того, мы можем предположить, что она уважает и любит Найтли именно потому, что он единственный, кто требует от нее соблюдения нравственного кодекса, которому они оба привержены. Эмма настолько привержена этому нравственному кодексу, что она принимает то, что мы назвали бы сегодня нарциссическими ранами, нанесенными Найтли, и его вызов ее самомнению во имя определения добродетели, которую она разделяет с ним. Быть любимой Найтли – значит получить от него вызов и принять этот вызов, отстаивая и его и ее собственные нравственные устои. Любить другого – значит любить все, что есть хорошего в нем и благодаря ему. Воистину, «в христианских и еврейских традициях... характер (или “совершенство” характера) определялся как согласованность добродетели и нравственной цели в сопровождении человека к благополучной

⁴¹ Остин Дж. Эмма. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. С. 325 [Austen J. Emma. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. P. 325].

⁴² Остин Дж. Эмма. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. С. 325 [Austen J. Emma. Whitefish, MT: Kessinger Publishing, 2004 [1816]. P. 325].

жизни»⁴³, и эта согласованность ожидалась во всех вопросах, включая сердечные. В отличие от концепции, воцарившейся с XVII в. (главным образом, во Франции), сердечная сфера здесь больше не подвластна сама себе. Прежде непонятная и необъяснимая для разума и нравственности, теперь она тесно связана с ними и ими же регулируется. Наконец, это любовь, которая вырастает из привязанности и привычки, далекая от сиюминутного влечения, характеризующего любовь с первого взгляда. Любовь воспринимается не как крушение или вторжение в чье-то существование. Скорее, она развивается со временем, в дружеских отношениях, благодаря тесному знакомству семей и взаимодействию в повседневной жизни. Знакомству такому близкому, что с современной точки зрения есть что-то смутно кровосмесительное в том, что Найтли наблюдал за Эммой с детских лет. Это любовь, в которой человек уже включен в чью-то повседневную жизнь и имеет достаточно возможностей наблюдать за жизнью этой семьи, узнавать и испытывать характер другого человека с течением времени. Как выразился Джеймс Хантер, «характер... противостоит беспринципности»⁴⁴. Метафора, которую использует Кьеркегор: «характер отчеканен в человеке»⁴⁵. Поскольку все зависит от характера, любовь здесь не внезапное происшествие, а событие, подготовленное временем, вписанное в *Longue durée* (долговечность).

Случись подобная любовь в настоящее время, чувства Найтли к Эмме, вероятно, назвали бы покровительственными и контролирующими и рассматривали бы «характер» или «добродетель» как кодовые слова для патриархального контроля над женщинами. Но подобная интерпретация должна была бы пренебречь удивительной *souveraineté* (самостоятельностью) героини Джейн Остин в вопросах любви. Такая самостоятельность является характерной особенностью ее женских персонажей, ключ к разгадке которой можно найти в глубоких культурных предположениях, формирующих личность этих женщин. Почему Элизабет Беннет, героиня книги «Гордость и предубеждение» (1813 г.), принимает высокомерные и пренебрежительные суждения Дарси о ее внешности («она вполне сносна; но недостаточно привлекательна, чтобы соблазнить меня...»⁴⁶ (курсив мой. – Автор)) без уныния и чувства унижения, а достойно и с юмором? Потому что его презрение не влияет на ее чувство собственного достоинства и самооценку. Несмотря на то, что Дарси является самой привлекательной перспективой брака, доступной в ее непосредственном окружении, Элизабет полностью контролирует свои чувства, позволяя им проявляться только тогда, когда он начинает соответствовать ее видению и пониманию любви.

Энн Эллиот, главная героиня книги «Доводы рассудка» (1818 г.), узнает, что капитан Уэнтуорт, не видевший ее девять лет, считает, что красота ее утрачена. Энн все еще влюблена в Уэнтуорта, но вместо того, чтобы отчаяться, как мы бы ожидали, она «обрадовалась, услышав [эти слова]. Они действовали отрезвляюще; они унимали волнение; они успокаивали и, следовательно, должны были сделать ее счастливее»⁴⁷. Трудно себе представить, что в подобной ситуации женщина не только не потеряла самообладание, а почувствовала радость от того, что некогда влюбленный в нее человек находит ее менее привлекательной.

И последний пример – Элинор Дэшвуд, героиня романа «Разум и чувства» (1811 г.), влюблена в Эдварда Фаррарса. Только после того, как Элинор влюбилась в него, она узнает, что он тайно обручен с другой женщиной, Люси. Когда позже ей сообщают, что Эдвард не

⁴³ Хантер Дж. Смерть персонажа: Нравственное воспитание в эпоху отсутствия добра и зла. NY: Basic Books, 2000. С. 21 [Hunter J. D. Death of Character: Moral Education in an Age without Good or Evil. New York: Basic Books, 2000. P. 21].

⁴⁴ Там же. Р. 19.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Остин Дж. Гордость и предубеждение. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010 [1813]. С. 40 [Austen J. Pride and Prejudice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010 [1813]. P. 40].

⁴⁷ Остин Дж. Доводы рассудка. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. С. 54 [Austen J. Persuasion. Oxford: Oxford University Press, 2004 [1818]. P. 54].

разорвал помолвку с Люси (а значит, собирается жениться на ней), она радуется *его* нравственной красоте, поскольку нарушение обещания, данного другой, сделало бы его морально недостойным. Очевидно, что верность Элинон своим нравственным принципам превалирует над ее любовью к Эдварду, точно так же, как его помолвка с Люси должна превалировать над его чувствами к Элинон. Найтли, Уэнтуорт и Энн Эллиот не ведут себя так, будто существует противоречие между их чувством морального долга и страстью. И, действительно, в их поведении нет никакого противоречия, поскольку каждый из них представляет собой «целостную личность»⁴⁸. Иными словами, невозможно отделить нравственное от эмоционального, поскольку именно нравственные устои формируют эмоциональную жизнь, которая в результате также имеет здесь и общественную значимость.

С точки зрения современной чувствительности и уязвимости героини Джейн Остин не только необыкновенно самоуверенны, но и странным образом далеки от необходимости, как бы мы сейчас сказали, самоутвердиться перед своими поклонниками. Возьмем, например, реакцию Энн на замечание Уэнтуорта о ее утраченной красоте. Создается впечатление, что их самооценка гораздо меньше зависит от мужского взгляда, чем самооценка современных женщин (см. главу 4). Учитывая состояние правовой зависимости и лишения женщин избирательных прав в то время, подобное поведение может показаться удивительным. Это загадочное явление можно легко объяснить: ответ заключается именно в характере героинь Остин, т. е. в их способности формировать свое внутреннее и внешнее «я» для нравственной цели, превосходящей их желания и интересы. Ощущение внутреннего «я» и самооценка не даруется им кем-либо, а проистекают из их способности распознавать и выполнять моральный долг, почти осязаемый. С этой точки зрения, внутренняя ценность обусловлена именно их способностью обуздывать личные желания и сознавать безукоризненность претворения в жизнь их моральных принципов, как ими самими, так и другими, как в любви, так и в других делах. По сути, характер заключается именно в совпадении желания и нравственной цели. Таким образом, характер – это своего рода воплощение ценностей, исповедуемых этими женщинами. Он базируется не на основном, онтологическом, определении личности, а на перформативном: по сути своей он должен быть на виду, чтобы остальные засвидетельствовали его существование и одобрили его; он заключается не в уникальном психологическом состоянии или ощущении (или, по крайней мере, не так явно), а в деяниях; речь идет не об уникальности и неповторимости личности, а скорее, о способности проявлять всеми узнаваемые и проверенные добродетели. Таким образом, характер – это не столько сфера внутреннего «я», сколько способность соединять свои глубинные ценности с общественной сферой ценностей и норм. Он требует, чтобы личность зависела от репутации и чести, регулируемых публичными правилами поведения, а не столько от личной эмоциональной «оценки», даруемой одним конкретным человеком. В контексте любви и ухода за характер определяет тот факт, что оба влюбленных черпают ощущение ценности своей личности непосредственно из их способности принимать нравственные кодексы и идеалы, а не из одобрения, дарованного объектом их любви. И ценность женщины, судя по всему, устанавливается совершенно независимо от одобрения или неодобрения поклонника. В этой нравственной экономике и поклонник, и женщина знают, кто они, какова их социальная и моральная ценность, и именно это знание создает их взаимную любовь (см. главу 4 для сравнения). Очевидно, что выбрать партнера им помогут влечение, симпатия или любовь. Но выбор совершается в соответствии с ранее существовавшими моральными кодексами и социальными правилами, и именно от способности успешно применять эти кодексы влюбленные и получают ощущение ценности. В этом смысле значимость,

⁴⁸ *Cockshut A. O. Дж. Мужчина и женщина: Любовь и литературный роман. Исследование.* Oxford: Oxford University Press, 1978. С. 67 [*Cockshut A. O. J. Man and Woman: A Study of Love and the Novel, 1740–1940.* Oxford: Oxford University Press, 1978. P. 67].

которую они придают друг другу, если и не полностью объективна, то, по крайней мере, имеет объективные корни.

Но предположение о том, что сущность этих женщин объясняется их характером, вызывает еще один вопрос: что создает условия такому разделению внутренней ценности и процесса ухода? ⁴⁹ Будет тавтологией утверждать, как это делают некоторые философы и социологи – сторонники коммунитаризма, что характер отражает предрасположенность людей и что он заключается в способности иметь собственное чувство значимости, но возникает еще один вопрос – *как* это происходит. Вопреки несколько наивному мнению о том, что характер состоит из внутренней предрасположенности, которая, в свою очередь, объясняет способность придерживаться общественных моральных кодексов, я полагаю, что способность извлекать чувство собственной ценности из моральных кодексов и проявление нравственного облика становятся возможными благодаря ряду *социальных*, а не психологических или моральных механизмов. Характер – это не просто набор внутренних установок и свойств ума, обусловленных результатом прямого усвоения нравственных норм. Скорее всего, разнообразные характеры формируются благодаря определенным социальным механизмам, и, в частности, благодаря интеграции эмоций во всеобщую экологию выбора. В то время как философ или историк довольствуются тем фактом, что любовь переплетается с моральными принципами, для социолога именно этот факт нуждается в объяснении. *Как* любовь и нравственность переплетаются друг с другом, т. е. какие социальные механизмы позволяют использовать любовь для формирования нравственного замысла личности? По моему мнению, то, что мы называем нравственной личностью и нравственными чувствами, заключается в особой *экологии и архитектуре выбора*, где существует высокая степень соответствия между частным и общественным выбором и где личные эмоции выражаются личностью как единицей общества. Нет никакого сомнения, что персонажи Остин имеют глубокий внутренний мир, но он сильно отличается от нашего, поскольку он стремится соответствовать миру общественному с его ритуалами и ролями. Какие социальные механизмы обеспечивают такое соответствие, нам еще предстоит уточнить.

⁴⁹ Понятие характера следует отличать от утверждения Вармана о том, что в XVIII в. существовал «старый режим» идентичности, который позднее преобразовался в современную личность с уникальным внутренним миром. В его концепции, насколько я понимаю, «старым режимом» является широкое культурное понимание идентичностей как «пустотелых» или как недостаток внутренней сущности, «игру поверхностей без реальной субстанции, эталона или истинной ценности». См.: *Варман Д.* Создание современной личности: Идентичность и культура в Англии восемнадцатого века. New Haven: Yale University Press, 2004. С. 207 [*Wahrman D.* The Making of the Modern Self: Identity and Culture in Eighteenth-Century England. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 207]. В противоположность этому, понятие характера, которое я обсуждаю, имеет более устойчивую сущность, даже если оно должно быть перформативно проявлено и подтверждено.

Ухаживание и сватовство как социальная сеть

Как и другие романы Остин, «Эмма» показывает, что ухаживание являлось процессом, которым руководили родственники и соседи. Смысл здесь не в том, что подобный надзор осуществлялся под их контролем и ограничивал выбор, хотя, очевидно, так и было. Скорее, смысл в том, что ухаживание превратилось в деятельность, где личность женщины самым естественным образом была опутана защитной сетью ее социальных и родственных связей. В процессе ухаживания и сватовства, описанном Остин (и многими другими романистами), тщательно изучается не столько женщина, сколько мужчина. Мужчина совершает свои ухаживания под бдительными взглядами окружающих и, следовательно, оказывается рядом с женщиной «посредством» разнообразных социальных отношений. Как отмечает литературный критик Джеймс Вуд, в «Разуме и чувстве» нам говорят, что Элинора «решила не только выяснить все подробности его [Уиллоби] характера, какие только могут дать ей собственная ее наблюдательность и сведения, полученные от других, а также проследить за его поведением по отношению к ее сестре...»⁵⁰ Знать человека – часто означало видеть его глазами других. Молли Дорси Сэн-форд, проживавшая на границе в Колорадо, писала в своем дневнике в 1860 г.: «Бабуля вбила себе в голову, что он мой возлюбленный, и... я и сама в это поверила. Я узнала сегодня, когда он пришел, а я так долго его не видела, что он многое значит для меня»⁵¹. Любовь стала для Молли откровением благодаря ее бабушке; и такое откровение обусловлено тем, что возлюбленный стал частью ее повседневной жизни и ее отношений с семьей. Подобное глубокое знание потенциального супруга было необходимо для того, чтобы обрести уверенность в социальной и психологической совместимости двух людей. Например, в «Доводах рассудка» Энн Эллиот находится под сильным влиянием Леди Рассел, которая считает ее первую настоящую (и единственную) любовь, капитана Уэнтуорта, неподходящим. Наша современная сентиментальность может только посочувствовать тому, что эта отрицательная оценка заставила Энн отказаться от объекта своей любви. Но если взглянуть с другой токи зрения, Леди Рассел хотела лишь защитить Энн, поскольку надежная защита личности молодой девушки была заложена в самой сути родственных отношений. И, действительно, Остин демонстрирует нам ограниченность этой системы, предполагая, что социальная среда Энн не способна отличить социальный статус от внутренней ценности. Тем не менее Энн и читатель обретают уверенность в своих суждениях о Уэнтуорте только благодаря тому, что у них было много возможностей удостовериться в них. Безусловно, ухаживание и сватовство как в Англии, так и в Соединенных Штатах часто влекли за собой процесс проверки притязаний и рекомендаций поклонников. «[Ухаживание] было игрой, полной обмана, коварства и обольщения. И, разумеется, необходимо было раскрыть этот обман и убедиться, что “другой” действительно является тем человеком, который на многие годы останется самым близким другом»⁵².

Такой тщательный мониторинг проиллюстрирован методами, с помощью которых потенциальные родственники очередного поклонника проводили проверку его репутации. Например, прежде чем снискать благосклонность Оливии Лэнгдон и сделать ей предложение, Сэмюэл Клеменс (известный нам как Марк Твен) должен был по требованию ее семьи предоставить

⁵⁰ Вуд Дж. Внутренний мир Мистера Шепарда // London Review of Books. 26(21). 2004, С. 41–43 [Wood J. Inside Mr Shepherd // London Review of Books. 26(21). 2004. P. 41–43].

⁵¹ Сэнфорд М. Д. Молли: Дневник Молли Дорси Сэнфорд в Небраске и на Территории Колорадо. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. С. 57 [Sanford M. D. Mollie: The Journal of Mollie Dorsey Sanford in Nebraska and Colorado Territories, 1857–1866. Lincoln: University of Nebraska Press, 2003. P. 57].

⁵² Макфарлейн А. Брак и любовь в Англии: Продолжение рода, 1300–1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. С. 294 [MacFarlane A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300–1840. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 294].

рекомендательные письма, подтверждающие его надежность. После того, как все завершилось, Клеменс мог смело сказать:

Думаю, все мои рекомендации говорят о том, что я никогда не делал ничего плохого, подлого или преступного. Что двери, открытые для меня семь лет назад, остаются открытыми и по сей день; что все друзья, которых я обрел за семь лет, все еще являются моими друзьями; что я всегда могу вернуться туда, где я бывал раньше, не скрываясь, с высоко поднятой головой⁵³.

Этот пример показывает нам, что в процессе ухаживания и сватовства личность женщины была скована узами тесных родственных связей, игравших активную роль в процессе оценки потенциального жениха и создании с ним супружеских отношений. Поскольку в решении этой социальной задачи участвовали многие из окружения женщины, ее мнение полностью отражало их умозаключения и ее чувства по отношению к мужчине формировались исходя из мнения окружающих о нем. Переплетение эмоций и здравого смысла, сокровенных чувств и коллективных суждений подразумевало, что, любя кого-то и, в конечном счете, принимая решение о возможном супружестве, каждый неизменно погружался во вселенную нравственных норм и табу, существовавших в обществе, и романтическая связь оказывалась затянутой в пучину обязательств перед другими. Мужчины и женщины не принадлежали самим себе, их сознание находилось под властью хранителей моральных и социальных норм⁵⁴. Такое положение дел существовало вплоть до XIX в.

⁵³ *Harris S.* Сватовство Оливии Лэнгдон и Марка Твена. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. С. 72 [*Harris S.* The Courtship of Olivia Langdon and Mark Twain. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 72].

⁵⁴ Это относится и к беднейшим слоям населения, которые не владели землей или владели ее малым количеством для брачного обмена. Действительно, в своем исследовании лечения различных форм стрессовых переживаний врач / астролог начала XVII в. Майкл Макдональд предполагает, что послушание родителям и стандартам сообщества, даже если не всегда соблюдалось на практике, всегда подразумевалось или выдвигалось на передний план при решении молодых людей вступить в брак. См.: *Макдональд М.* Мистический бедлам: Безумие, беспокойство и исцеление в Англии семнадцатого века. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. С. 96–97 [*MacDonald M.* Mystical Bedlam: Madness, Anxiety, and Healing in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 96–97].

Общепризнанные и негласные правила

Ухаживание в мире Остин регулируется мириадами скрытых правил. Люди, далекие от социологии, склонны рассматривать правила как ограничения. Но для социологов правила также являются благоприятной средой, в которой субъекты взаимодействуют друг с другом, строят планы относительно друг друга и, преодолевая трудности, ищут пути соприкосновения⁵⁵. Ритуалы – это набор определенных правил для того, чтобы вступить в отношения или выйти из них, они подобны четко налаженному пути, проторенному в дебрях возможностей. Они предвосхищают то, что может и должно произойти дальше⁵⁶. Иными словами, ритуалы являются мощным символическим инструментом устранения беспокойств, порождаемых неопределенностью. Таким образом, в XIX в. среди имущих классов существовали если не строго соблюдаемые правила, то, по крайней мере, кодексы и ритуалы поведения, устанавливающие определенную последовательность романтических отношений, которые необходимо было соблюдать для того, чтобы мужчины и женщины оказались достойными друг друга.

Приглашение в гости было одним из таких ритуалов. Пригласить можно было только в дом к девушке (когда она была все еще достаточно молода, чтобы называться девушкой), поэтому мужчине считалось неуместным проявлять инициативу в этой ситуации. Мужчина мог показать девушке, что она ему нравится, но это была «привилегия» девушки – пригласить мужчину ее навестить⁵⁷.

⁵⁵ Гидденс А. Построение общества: Основные принципы структурирования. Cambridge: Polity Press, 1986 [Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1986].

⁵⁶ В своем романе «На берегу» Иэн Макьюэн изображает супружескую пару в первую брачную ночь перед долгожданным и устрашающим половым актом. Эта брачная ночь, закончившаяся полным фиаско (брак оказался незавершенным), и является предлогом для рассказчика размышлять о переходе к «новой» сексуальной морали от пропитанной ритуалами «старой» морали: «Даже когда Эдвард и Флоренс остались одни, они вынуждены были подчиняться тысячам негласных правил. Именно потому, что они были взрослыми, они не могли поступить как дети, не могли отказаться от ужина, к приготовлению которого было приложено столько сил. Ведь столы были уже накрыты». См.: McEwan I. On Chesil Beach. New York: Vintage, 2008. P. 8.

⁵⁷ Куниц С. История брака: Победа любви. NY: Viking, 2005. С. 199 [Coontz S. Marriage, a History: From Obedience to Intimacy or How Love Conquered Marriage. New York: Viking, 2005. P. 199].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.